

РУССКИМ ЯЗЫКОМ ПРО РУССКИЙ ЯЗЫК В УКРАИНЕ

Если коротко, то русский язык в Украине ребенку нужно учить где-то пятым или шестым по счету. То есть, практически не нужно. Улиц Пушкина и Домов Булгакова в Киеве и Украине быть не должно. Про памятники Екатерине я вообще молчу. В крайнем случае, я согласен переименовать одну из улиц Пушкина на улицу Салтыкова-Щедрина. Но это максимум.

В первую очередь, нужно учить само собой, – украинский. И не просто учить. На украинском также должны преподаваться все предметы в школе. Параллельно можно учить английский, немецкий, французский, возможно китайский. Набор и последовательность определяется склонностями ребенка. И только потом, если будут силы, время и вдохновение, можно поучить русский.

В качестве контекста: я родился и вырос в двуязычной, даже скорее в русскоязычной, семье и на моих первых клавиатурах всегда стояли три языка – украинский, русский и английский. Я прочитал более чем достаточно художественной русской литературы, – от Фонвизина через «ихне всё» и Салтыкова-Щедрина до братьев Стругацких с Сергеем Лукьяненко, – чтобы иметь возможность сравнивать и оценивать.

Русскую раскладку с клавиатуры я снес в день, когда Л.Д. Кучма объявил «Год России в Украине». Кажется, это было даже уже после Тузлы. И это был достаточно сознательный протест, поскольку первые качели вокруг Крыма в 92-93 годах я застал уже в достаточно сознательном возрасте и будучи совершенно случайно посвящен в детали тех качелей где-то в году 96-м уже тогда НЕ рассматривал Россию как дружественную страну или братский народ. Когда в 97-м убили Черновола, – в Крыму минимум трое влиятельных на местном уровне и очень проукраинских людей погибли в автокатастрофах, организованных россиянами, – Россия стала враждебной.

И все-равно тот факт, что русский язык в Украине просто не нужен никому кроме военных, стал для меня где-то году в 2006-м сюрпризом и персональным открытием. Этот факт стал очевидным во время одной из перепалок в ЖЖ, которые русня в их детской непосредственности тогда называла «хохлосрачами». Были, кстати, еще как минимум «бульбосрачи». Так вот я знаю русский язык, так исторически сложилось, окей. В военных учебных заведениях его нужно учить как язык вероятного противника? Обязательно. Но за пределами этого – он не нужен. Почему?

Начнем с того, что у русского языка есть страна с населением втрое больше чем в Украине, где он закреплен в качестве единственного государственного. То-есть в защите как язык меньшинства он не нуждается: есть социум который его сбережет и будет развивать.

Дальше. Для меня как инженера очень быстро стал заметным тот факт, что специальная переводная литература отстает от оригинальной на несколько лет и что большинство оригинальной инженерной литературы или пишется на английском или ОЧЕНЬ быстро на английский переводится. Например, крутое немецкое пособие по методу конечных элементов, которым я когда-то заработал одни из первых хороших денег, было одновременно опубликовано и на немецком, и на английском.

При этом украинский – один из многих языков мира, в котором существуют полные математическая и физическая терминологии плюс полный набор лингвистических инструментов, необходимых для актуализации этих терминологий заимствованиями. Заметим в сторону, что если Сева Новгородцев, например, внимательно посмотрит на русский учебник по квантовой физике или современной философии, то увидит, что там из русских слов в основном только предлоги.

Потом оказалось, что в области научных статей ситуация еще более показательна: все, что достойно упоминания, наши, французские, немецкие, японские, и даже русские ученые сначала публикуют на английском и только потом, – возможно! – на своем родном языке.

Далее пришел черед художественной литературы: была у меня некоторое время в близких друзьях одна очень начитанная знакомая с просто очаровательным французским языком. Так вот кроме прочего мы имели с ней несколько дискуссий в которых мне наглядно была продемонстрирована вторичность большинства русской литературы. Да, исключения есть, но вот искренне любимый мною роман «Мастер и Маргарита» – это синтез нескольких произведений французской и австрийской литературы конца 19-го столетия.

Сам Булгаков, кстати, при ближайшем рассмотрении оказался редкостным гандоном, родители которого понаехали в Киев из российских ебеней и который всерьез ненавидел украинство: попробуйте ознакомиться с историей дома Листовниченко или прочитайте «Я убил» и мысленно переложить его на современные реалии. Вы, не побоюсь этого слова, охуете.

Но вернемся к главному исключению из вторичности русской литературы – товарищу Пушкину. Его неввторичность заключается в том, что он, как утверждают все русскоязычные, создал литературный русский язык. Они его за это «нашим всем» называют еще иногда. Окей. Но что значит «создал»?

Чтобы не углубляться в дебри, там все просто: Пушкин сформировал не столько русский язык, сколько русский имперский миф, в котором «гордый русский народ» имеет право повелевать «бедными финнами» и прочими колонизированными народами Российской Империи. Пушкин очень талантливо воспевал завоевательные войны России, – читаем, например, «Клеветникам России», «Кавказский пленник», его переписку с друзьями, – за что имперская государственная машина его очень быстро оценила и «взяла на вооружение». Практически без всякой натяжки можно сказать, что Пушкин – это такой Соловьев или Киселев, – которые тоже очень талантливые люди, – 19-го века.

Кстати, до раскрутки Пушкина образованные русские люди предпочитали общаться между собой на французском. Наверное, поэтому этот самый литературный русский язык оформился относительно других европейских языков, – в том числе украинского, – достаточно поздно. Например, произведение, начинающееся с «Еней був парубок моторний...» было опубликовано Котляревским за год до того, как родился этот самый «создатель литературного русского языка». И это при том, что Москва всячески запрещала украинский язык и украинскую книгу приблизительно каждые 16 лет начиная с 1686-го года.

Суммируя вышенаписанное: в областях научно-технической, научно-популярной и художественной литературы, – при всех замашках русских на культуртрегерство, – русскоязычный контент или имперский, или вторичный. В обоих случаях он в Украине просто не нужен. А не нужен контент – не нужен и язык.

И если вы хотите, чтобы ваш ребенок читал самую сочную в мире художественную литературу, то после украинского учите его французскому или японскому. Если научно-техническую – английскому. Классическую философию и психологию – немецкому.

Російську треба вчити одразу після англійської тільки якщо дитина спить і бачить себе у війську.

Микола СТРЕБКОВ

Фейсбук